

Культура как жемчужина

*По книге Андрея Кураева
«Школьное богословие»*

16 И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема.

17 И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох.

18 У Еноха родился Ирад [Гаидад]; Ирад родил Мехиаеля [Малелеила]; Мехиаель родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха.

19 И взял себе Ламех две жены: имя одной: Ада, и имя второй: Цилла [Селла].

20 Ада родила Иавала: он был отец живущих в шатрах со стадами.

21 Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гуслях и свирели.

22 Цилла также родила Тувалкаина [Фовела], который был ковачом всех орудий из меди и железа. (Быт.4 гл.)

**КАИН БЕЖИТ ОТ ПРОКЛЯТИЯ
ИЕГОВЫ
ФЕРНАН КОРМОН (1845 - 1924)
(1880, Музей Орсе, Париж)**

В глазах христианина культура похожа на жемчужину. Речь идет не о красоте, а о схожести происхождения. Жемчужина возникает из грязи, из песчинки, попавшей внутрь ракушки. Моллюск, защищаясь от чужеродного предмета, попавшего к нему в тело, обволакивает его слоями перламутра, то есть, строит еще одну раковину, но на этот раз уже внутри, а не вокруг себя. То, что постороннему кажется украшением, на самом деле является признаком нарушения естественного хода органической жизни, болезнью.

Культура — это следствие грехопадения. Ведь культура создает вторичный мир, вторичную реальность. Это искусственный мир символов, с помощью которых человек очеловечивает тот мир, в который он вверг себя грехом. Святой Ириней Лионский говорил, что смерть — это раскол. Писание же и опыт совести говорят, что смерть есть следствие греха и возмездие за грех. Грех разбивает единство людей с Богом, с миром, с ближними и с самим собой.

Бог стал чужим для человека. И теперь для тех, кто лишен глубокого и личного опыта “мистического богопознания” потребуются создавать “богословие”. Тем, кому не достает знания Бога, нужно теперь усваивать знание о Боге. **Речь о Боге рождается как замена речи к Богу.**

Если бы мы могли непосредственно созерцать Бога — нам не нужны были бы богословские факультеты.

Так называемое “школьное” богословие, богословие, говорящее о Боге “в третьем лице” есть вполне феномен культуры. Не видя Лица Божия непосредственно, человек создает Его образы (богословские, иконографические, миссионерские). Это и есть собственно культурное творчество — создание системы образов для частичного постижения первичной реальности.

Святитель Феофан Затворник так говорил об этой культурной изнанке богословия:

“Научность есть холодильник. Не исключается из сего даже и богословская наука, хотя тут предмет, холодея образом толкования предмета, самым предметом может иной раз

Грехопадение породило еще одну пустоту, еще один разрыв — и этот разрыв также люди пытаются скрепить пленочкой культуры.

Этот раскол произошел в самом человеке — раскол душевного чувства и ума (ибо вряд ли можно назвать продуманным действием попытку Адама спрятаться от Бога под кустом).

Человек становится до некоторой степени чуждым самому себе. Отныне одной из важнейших задач культуры будет — самопознание.

И точно также как знание о Боге, владение богословской диалектикой и эрудированность в тонкостях патристики не могут заменить собою таинство реального соединения с Богом — так же и самая виртуозная культура самопознания не может глубинно исцелить человека, воссоздать в нем “целомудренность”

Культура наводит мосты между разошедшимися душами. Правила этикета и общественные законы, слова и книги учат нас, “обломков Адама” (по слову блаженного Августина) мирному и взаимопонимающему сосуществованию. Если бы мы могли понимать друг друга от сердца к сердцу — нам не нужна была бы культура. Каждое общение людей стремится перерасти за слова. По настоящему близки люди, которые могут вместе молчать, передавая свои ощущения и мысли от сердца к сердцу, минуя уста, минуя культуру. То, что нам так трудно понять друга есть следствие греха, и из этой трудности рождается культура как сложное искусство речи (художественной, мускульной, философской и т.д.) обращенной к

Культура отражает бытие (внешнего или внутреннего мира человека) и тем самым удваивает его. Но это значит, что бытие само по себе внекультурно, а задачей очень многих культурных инициатив поэтому становится поиск выхода за рамки культуры, прорыв к самому “лону бытия”. **Самое важное вообще совершается вне мира культуры.**

Есть культурные символы, сопровождающие создание семьи. Но рождение ребенка слишком серьезно и поэтому превосходит рамки любой культуры.

Смерть заставляет культуры думать, говорить и молчать о своем таинстве, но сама остается вне культуры.

Культура предоставляет материю для церковных “обрядов”, но Присутствие, которое “обряжается” церковными символами, являет несокровенность того Духа, который не от культуры исходит, и не в искусстве почивает.

Культура, созданная человеком — вторичный мир и его создание — свидетельствует о конфликте с миром исходным, созданным Творцом. Культура творится человеком, а религия ставит человека перед лицом того, что находится по ту сторону культуры, за пределами человеческой реальности.

И все же — перед любой религией встает проблема вторичного оправдания культуры. Да, первичный импульс — отрицание рукотворной культуры. Но затем приходит понимание того, что **не хлебом единым жив человек, даже если это хлеб небесный.** Люди даже о мире сверхчеловеческом узнают от людей. **Религия социальным путем входит в социальную жизнь. Религия самого небесного происхождения нуждается в земных механизмах своей передачи.**

В христианстве проблема оправдания культуры носит еще и специфическую окраску — оправдание живописи перед лицом ветхозаветных запретов (богословие иконы).

Утверждение о том, что культура есть следствие греха никак не означает, что культура есть грех.

В библейском мировосприятии **наше тело** в том состоянии, как оно есть (тяжелое, болезненное, смертное) — **это следствие грехопадения**, что не мешает рассматривать **тело как храм Духа, живущего в нем (1 Кор. 6,19)**. То, что после грехопадения наша мысль идет кропотливым и

тяжелым путем аналитического постижения вместо интуитивного созерцания логоса — есть следствие греха, но никто из Отцов Церкви не говорит, что логика и рассудок есть грех.

Богословие и духовная литература рождаются вдали от Бога — но сами по себе они никак не нечто греховное.

Христианская культура — не обязательно та, которая прямо говорит о Христе. Г. Федотов однажды назвал “Капитанскую дочку” позднего Пушкина самым христианским произведением русской литературы, хотя религиозные мотивы в этой повести почти незаметны. Но человек, как он показан в этой книге, может быть увиден только через христианскую традицию покаяния и всматривания в сердечную глубину. У христианина воспитывается не только свой взгляд на Бога, но и на человека, и на мир людей, на мир Божий. И всегда можно понять: глазом христианина увиденна та человеческая реальность, что воплощена в данном тексте или

Человек может жить в Церкви и быть даже священнослужителем, но смотреть на людей не евангельским, а потребительским взглядом язычника. Опыт России XX века показал, что люди, живущие вне сознательной христианской веры и даже в формальном противостоянии ей, могут продолжать творить по сути именно христианскую культуру (советский кинематограф 60–80 годов в своих лучших лентах дает тому пример). Человеческая душа не сразу облачается во Христа. Но, оказывается, и не сразу разоблачается от одежд, тканых Евангелием. Поэтому и не может еще быть однозначного ответа на вопрос: привело ли 70-летнее атеистическое удушье лишь к глубокому обмороку христианской культуры России, или к

Потомки Каина

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод, и будете, как боги».
Для юношей открылись все дороги,
Для старцев – все запретные труды,
Для девушек – янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.
Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,
Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

Гумилев Н.С.

